

:

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	92
page range	94-99
year	2010-05-25
URL	http://doi.org/10.15021/00001030

Азии» установлен на набережной у слияния Большого и Малого Енисея и является главной достопримечательностью города. Когда-то на этом месте лежал большой камень. Менхен-Хельфен увидел его в 1929 году и написал в своей книге, что центр Азии находится в Туве, в республике скотоводов, которая расположена между Сибирью, Алтайскими горами и Гоби - азиатская земля, наименее доступная для европейцев (Менхен-Хельфен 1931:29-30).

3. Ностальгия по Чингисхану и Субедэю

В книге Менхен-Хельфен упоминает о двух исторических личностях, к которым, как он считает, тувинцы относились с большим трепетом и уважением. Это Чингисхан и его полководец Субедэй, который, как известно, был выходцем из алтайских урянхайцев, т.е. из тувинцев.

«Шесть веков не в силах были затмить сияние вокруг имени Чингисхана, - пишет Менхен-Хельфен. - Оно до сих пор еще сияет в глазах тувинцев и монголов, потомков тех, кто завоевал весь мир и которые теперь сами стали подданными». О Субедэе он пишет, как об «уроженце Урянхая», «способнейшем генерале Чингисхана», который «завоевал Корею, Восточный Туркестан, Персию, Кавказ, разбил русских в 1223 г. и завоевал Китай». В 1236 г. Субедэй перешел Волгу, поработил Рязань, Суздаль, Владимир, Москву и Тверь; а в 1240 г. дошел до Киева, превратил в пепел Краков, сверг герцога Генриха Силезского в Польше; затем взял Венгрию и Германию. Из этих фактов Менхен-Хельфен делает смелый вывод: урянхи, т.е. тувинцы дошли до Европы (Менхен-Хельфен 1931:144-145).

Если бы подобное тувинцы услышали в свой адрес в 1980-90-х годах, они бы причислили иностранного гостя к числу людей, активно способствующих этнической мобилизации народа. Этническая мобилизация тувинцев, пережившая пиковые взлеты именно в это время, имела важнейшей составной частью расширение социально-генетической памяти народа за счет удревнения его истории. Многие национальные лидеры старались пропагандировать те версии этногенеза тувинцев, которые утверждали древнее происхождение народа и его причастность к великим историческим свершениям.

В этих условиях главной исторической фигурой для монголов, равно как и для калмыков, бурят, тувинцев стал Чингисхан, имя которого в советские времена встречалось только в исторических трудах и на страницах произведений художественной литературы. В официальных кругах упоминать имя монгольского полководца было не принято, публичные празднования его юбилея были запрещены даже в самой

Монголии. Однако после наступления периода гласности многие представления менялись катастрофически быстро: образ Чингисхана, покорившего полмира и Русь в том числе, стал восприниматься самими русскими весьма положительно, изменились представления о мыслимых размерах его жестокости, а политика монгольского полководца уже не казалась столь чудовищной. Роль Чингисхана в истории человечества стала трактоваться по-новому: он подарил кочевникам-монголам новую идеологию – пафос людей большой воли, образ жизни воинов, презирающих обывательскую трусость, бездеятельность, предательство и оседлый образ жизни с его худосочным мещанским патриотизмом. Он собрал всадников смерти в идеально организованную армию с жесткой субординацией, великолепной системой внутренней пропаганды и стратегией покорения мира, создав в итоге силу, повлиявшую на развитие значительной части Азии и Европы в течение трех веков» (Гучинова 2003:20-21).

Трепетное отношение у тувинцев к Чингисхану наблюдал в свое время и А.В.Адрианов. Он писал, что имя монгольского полководца не сходит с уст хемчикских тувинцев; он, по их мнению, является родоначальником народа, многие считают его богом и поклоняются ему. По рассказам стариков, у Чингисхана было три сына: Ак-хаан, Гэсэр-хан и Амурсана. Первый ушел в русскую землю и стал там царем; второй владел тувинцами; третьему ничего не досталось, он также ушел в русскую землю, откуда должен вернуться в Туву. Из них Гэсер-хан, по мнению тувинцев, являлся самым большим богом (Адрианов 2007:109). Такое же отношение отмечал и Д.Каррутерс. «Чингисхан до настоящего времени обожествляется урянхайцами, - пишет он. - Все добрые дела приурочиваются этому великому монгольскому предводителю; он научил их, как уверяют урянхайцы, искусству сеять пшеницу и устраивать оросительные каналы» (Каррутерс 1914:с.215).

Для тувинцев осознание причастности их предков к монгольским полководцам и их завоеваниям стало источником определенной национальной гордости и самоутверждения. В середине 1980-х годов на сцене Тувинского драматического театра шла пьеса Чылгычы Ондара «Кровавые следы». Сюжетная линия пьесы выстраивалась вокруг мысли: «Если бы не было такого гениального тувинского полководца как Субедэй (тув. Субудай), вряд ли бы Чингисхану удалось стать великим завоевателем, изменившим мир» (фото 33).

Промонгольские настроения подогревались также выходом ряда художественных и документальных фильмов о Чингисхане, снятых кинематографистами разных стран. Каждый из них предлагал свою

трактовку образа этой исторической личности. Самыми первыми фильм о Чингисхане с одноименным названием сняли американцы в 1965 году. Главную роль в фильме исполнил известный в то время голливудский актер Омар Шериф. В 2005 году вышли сразу три документальных фильма: первый «Чингисхан» был снят монгольским режиссером Лхагва Эрдэнэбулганом; второй с таким же названием – англичанином Эдвардом Базалгетте; третий «Первый нукер Чингисхана» - бурятскими кинематографистами. В 2006 году китайский режиссер Чжу Вэньцзе снял 30-серийный художественный фильм о Чингисхане, общая продолжительность которого составила около 23 часов.

Дальше фильмы о монгольском полководце снимались почти друг за другом. В 2007 г. вышел фильм японского режиссера Синитиро Савая «Чингисхан. На край земли и моря». Все роли в нем были исполнены японскими актерами: Т.Соримати, Р.Кикукава, М.Вакамура, К.Мацуяма, Й.Хакамада, Ю.Номура и другими. Фильм был представлен на 29-м Московском Международном кинофестивале.

В это же время к образу Чингисхана обратились и российские кинематографисты. В 2007 году известный режиссер Сергей Бодров выпустил фильм «Монгол», в основу которого легла биография основателя монгольского государства. Фильм собрал интернациональную команду актеров, от японца Таданобу Асано в роли Чингисхана и китайца Сун Хон Лей, сыгравшего Джамуху, до актера московского театра Et Cetera Амаду Мамадакова в роли главного соперника Чингисхана Таргута и студентки-журналистки из Монголии Хулан Чулуун в роли любимой жены Великого хана. Этот фильм разрушил все прежние стереотипы о монгольском тиране: его фигура, зловещая для Запада, в восточном сознании остается подобием Солнца; он предстает воплощением витальности и успешности, тем ключевым для человечества титаном, без которого вообще не было бы современной истории - она шла бы по иным рельсам.

Другую версию о жизни «главного монгола в мире» предложил якутский режиссер Андрей Борисов, который по совместительству является также министром Республики Саха Якутия. Его фильм «По велению Чингисхана» был снят по роману народного писателя Якутии Николая Лугинова. Этот проект также был международным, в нем приняли участие кинематографисты из России, США, Монголии и Китая. Интернациональным был и актерский состав. Речь актеров звучит на девяти языках мира. Главную роль сыграли сразу три актера. Тувинцы Аян Успун и Эдуард Ондар воплотились в Чингисхана в детстве и зрелости, якут Сергей Егоров исполнил героя в юности. Кроме них, в фильме заняты россиянин Олег Тактаров, голливудский актер японского

происхождения Кэри Хираюки Тагава, монгол Оргил Махаан, китаец Ту Мэн, немец Гернот Гримм, а также актеры из Бурятии, Хакасии, Башкортостана и других азиатских регионов. Автором саундтрека к фильму выступил лидер известной тувинской группы “Ят-Ха” Альберт Кувезин.

В 2008 году российско-казахские кинематографисты во главе с режиссером Александром Муратовым сняли новый фильм по роману классика киргизской и российской литературы Чингиза Айтматова «Белое облако Чингисхана». Таким образом, образ «великого монгола» оказался востребованным как никогда.

Активизации промонгольских настроений способствовали также последние результаты исследований московского биолога-генетика, член-корреспондента РАН Ильи Захарова. Более 10 лет учёный искал чингизидов - потомков Чингисхана по всему миру. Исследования учёного выявили особый вид мужской Y-хромосомы, присущий с большей долей вероятности великому монгольскому вождю. Изучив генный материал свыше 1,5 тысяч российских мужчин разных национальностей, Захаров обнаружил 20 родственников полководца среди бурят, алтайцев, калмыков, алтайских казахов и тувинцев. В селе Морен Эрзинского кожууна Республики Тува Захаров обнаружил целую семью родственников Чингисхана. Официальные свидетельства о том, что они являются потомками великого монгола, учёный пока выдал только двум членам семьи, у которых брал генный материал для анализа ДНК. Это братья Радж и Герман Дангыт. 27-летний младший Радж внешне оказался очень похожим на Чингисхана как изображают его на портретах - он такой же рыжеволосый и светлоглазый. По оценкам Захарова, сейчас во всем мире живёт около 16 млн. предполагаемых потомков Чингисхана (данные получены из личной беседы с ученым – М.М). Как считают тувинцы, так плодотворно «наследить» мог только гигант с мощным генотипом, хилой особи это не под силу.

Монгольская тематика находит воплощение и в вполне прозаических вещах. В настоящее время на заводе по изготовлению алкогольных напитков в Кызыле производится фирменная водка под названием «Субудай», а в цехе по изготовлению ковровых изделий выпускаются ковры с изображением Чингисхана (фото 34). Молодые родители стали гораздо чаще давать своим новорожденным детям имена известных монгольских завоевателей - Чингиса, Субудая, Батыра (монг. Багатур), Монге (монг. Мунхэ), Угедэя и др.

Однако далеко не все тувинцы могут разделить столь трепетное отношение к Чингисхану и к его сподвижникам. Например, некоторые

представители тувинской интеллигенции воспринимают захват Тувы и включение ее населения в состав Монгольской империи в XIII в. как весьма прискорбный факт. Они считают, что когда монгольские народы гордятся Чингисханом, это более чем понятно и оправданно. Действительно, у них есть немало причин для возвращения этой фигуры в современный исторический дискурс: это и личная историческая харизма Чингисхана, не потускневшая за столетия, и политический заказ, связанный с новым институтом власти, и приватизация прошлого, характерная для большинства постсоветских народов (Гучинова 2003:21). Поэтому не удивительно, что в столице Монголии - Улан-Баторе возведен крупный гостиничный комплекс «Чингисхан», а Международный аэропорт Буянт-Уха, построенный в 1961 г. с помощью Советского Союза, в 2005 г. был переименован в аэропорт имени Чингисхана. Последняя акция была приурочена к 800-летию Великого монгольского государства. Калмыцкие и бурятские кооперативы выпускают значки с изображением монгольского полководца, у которых прав «на обладание» историческим персонажем такого масштаба несравненно больше, чем у тувинцев.

Но зачем тувинцам гордиться причастностью к монгольской историко-культурной традиции, когда именно монголы причинили их предкам огромные бедствия? Многие тувинские ученые признают, что монгольская эпоха в истории Тувы сыграла весьма неоднозначную роль. Привнеся какие-то положительные моменты (элементы государственности, систему военной организации, развитие конной кавалерии), она имела немало отрицательных последствий. В частности, надолго, почти на века задержалось развитие производительных сил в регионе; военная мобилизация людских и экономических ресурсов нанесла огромный ущерб хозяйству, сократилась численность местного населения; полностью были разрушены стационарные поселения; оборонительные сооружения, оросительная система; утрачены многие достижения культуры, например, древнетюркская руническая письменность, основанная на енисейском алфавите. Уровень социально-экономического и культурного развития Тувы и других поработанных монголами народов и стран, не только затормозился, но и оказался отброшенным далеко назад. По воле исторической судьбы предки тувинцев оказались в составе Монгольской империи вовсе не как родственник монголам народ, напротив, они значились как народ, завоеванный монголами наряду с другими, издавна обитавшими на просторах Саяно-Алтайского нагорья. Не привело ли это в конечном счете к размыванию их идентичности?

Однако российский этнолог М.Н.Губогло считает, что в подобном «углублении в шахту древности есть рациональное зерно, свой смысл и

своя историко-культурная логика» (Губогло 2003:210). «Интерес и уважение к прошлому, - вторят ему американские коллеги, - свойственны любому народу, чей коллективный прожитый опыт – необходимое условие его существования и дальнейшего развития» (цит. по: Тишков 1985:5).

4. На пути к Тибету

Менхен-Хельфена очень интересовали связи Тувы с Тибетом, в частности, ему хотелось узнать, насколько плодотворны и регулярны контакты между тувинской и тибетской сангхой. В Верхнечаданском монастыре он знакомится с тувинским монахом, который до этого много лет провел в Сиккиме и Ладаке (на территории современной Индии), постигая премудрости буддийского учения, а также с монахом-тибетцем, которого все почитали как святого. Тибетский монах, по всей вероятности, был тантрическим мастером, ибо то, что он делал, подвластно лишь практикам, достигшим высокой духовной реализации. Местные люди его часто видели зимой полуголым, сидящим на снегу и читающим вслух священные сутры. «Он путешествовал удивительно быстро, - пишет Менхен-Хельфен, - сегодня вечером он исцеляет больного, а завтра утром он за 150 км на другой стоянке, где он приобретает в несколько недель огромные стада и раздает их бедным пастухам. Он говорит по-русски, был в первые годы революции в Москве, но никто не знает, что он там делал и его считают агентом Далай-ламы». Однако немцу так и не удалось узнать его настоящее имя; в народе его называли просто «тибетским монахом» (Менхен-Хельфен 1931:114).

В этом же хурэ Менхен-Хельфен знакомится с его настоятелем Монгушем Лопсан-Чимитом, с человеком весьма известным и уважаемым в обществе. О нем он пишет следующее: «Высокий монах, лет пятидесяти, почти совсем седой, принял меня очень радушно в своей юрте, на монастырском дворе. Войлочная циновка, спальный матрац, три-четыре деревянных сосуда – это все, что составляло скудную обстановку. Против входа стоял скромный алтарь, рядом лежали священные книги – *ном*. Во время нашего разговора он сохранял застенчивую и смущенную улыбку, держал взор опущенный вниз, перебирал пальцами четки... Меня угощали печеньем, кирпичным чаем и *цанпой* (тув. *далган*)». Вдруг на алтаре среди фигур и картинок, изображающих буддийских божеств, Менхен-Хельфен увидел портрет Далай-ламы XIII. Разговор коснулся Тибета. Когда он спросил, имеются ли контакты между Тувой и Лхассой, Лопсан-Чимит начал «испуганно отрицать», из чего Менхен-Хельфен делает вывод: «Он наверняка знал, что я был знаком с Нацовым. Я не хотел делать неприятности этому приветливому старому человеку и перевел